

Ян Левченко

культуролог, НИУ-ВШЭ

Ольга Рогинская

культуролог, НИУ-ВШЭ

беседовал

Роман Гуляев

фотографии:

Марк Боярский

Габитуса пока нет, но будет обязательно!

Период студенчества многими воспринимается как последние каникулы перед «настоящей» жизнью. О психологии студенческой свободы, различных типах самоидентификации и о том, чем отличается образ студента-революционера от образа офисного работника, рассказывают культурологи Ольга Рогинская и Ян Левченко.

Роман Гуляев: Можно ли говорить о габитусе студенчества — как в историческом контексте, так и в современности?

Ян Левченко: Прежде чем говорить о габитусе современного студенчества, не худо бы подступиться к истории вопроса. Я хотел бы напомнить о монографии питерского историка и социолога Алексея Маркова, трагически погибшего в 2002 году. Она вышла после его смерти в издательстве «Новое литературное обозрение» и посвящена истории российского студенчества. Студент в ней рассматривается как некая интеллектуальная сила, которая меняла лицо столетия, общественное настроение и влияла на принятие решений на самом высоком государственном уровне. Именно образ студента-бомбометателя вошел в советскую мифологию о временах царизма и во многом определял ее бытование. В реальности бомбы в царя бросали не столько студенты, но это совершенно не важно. А важно то, что есть образ свободолюбивого человека, у которого в голове есть некие идеи и который благодаря своей молодости обладает достаточным максимализмом, для того чтобы эти идеи воплощать. Вспомним Раскольников: по статусу он именно студент, хотя на самом деле просто бездельник с бегающими глазами. Но именно ему как студенту приходят в голову всякие идеи.

Говорить о габитусе можно, если мы заведомо считаем, что студенчество — это некая важная общественная сила. У меня нет уверен-

13

ности, что современное студенчество образует эту социокультурную силу, — не потому, что оно этого не может в принципе. Просто нынешняя власть, не умеющая ничего, кроме повторения плохо выученных советских уроков, не хочет работать со студенчеством. Чиновники, которые заседают в разных комитетах, постоянно говорят, что нужна молодежная политика, а в итоге вся молодежная политика сводится к фашизоидным акциям квазипатриотических движений, которые вяло поддер-

Нынешняя проблематичность габитуса студенчества обусловлена проблематичностью и двусмысленностью общего положения интеллектуала в России. С ним не считаются. Лишь в самое последнее время робко заявляют о себе примеры успешной социализации интеллектуала, расширения ресурсов его самоуважения. И то лишь в плане персональной реализации, а не возможности влиять на власть и общество.

Российский государственный гуманитарный университет, аудитория

$100\% \left\{ \begin{array}{l} T_{\text{инт}} < T_{\text{всп}} < T_{\text{пр}} \\ T_{\text{всп}} - Z_{\text{пер}} = \frac{17p}{\text{идприс}} \\ Z_{\text{нос}} \\ \frac{17 - Z_{\text{пер}}}{Z_{\text{нос}}} \\ 0,5 + Z_{\text{пер}} \\ \frac{0,5 + 17p}{17 - Z_{\text{пер}}} \end{array} \right.$

ется 500 000 дипломов об образовании разного уровня.

Московская высшая школа социальных наук, библиотека

**Согласно проекту бюджета, в 2011 году на образование будет потрачено более 2 000 000
При этом сейчас средняя стипендия студ**

000 000 (двух триллионов рублей) из федерального, региональных и местных бюджетов. ента вуза составляет 1100 рублей в месяц.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

**Средний возраст представителей российской научно-образовательн
Средний возраст ректоров росс**

ой элиты составляет 66 лет, а средний возраст академиков — 75 лет.
ийских университетов — 57 лет.

Стеллажи библиотеки, Российский государственный гуманитарный университет

**В 42-х регионах России каждый второй житель (49%) считает, что для поступления
14% считают, что для поступления**

**ния в вуз в первую очередь нужны деньги, каждый третий (33%) — что знания;
в университет необходимы связи.**

Российский государственный гуманитарный университет, центральная аудитория

Сегодня на 10 000 человек приходится 527 студентов

— наибольший показатель за всю истории России.

Новый гуманитарный корпус Московского государственного университета им. Ломоносова

Средний ожидаемый уровень зарплаты среди выпускников университетов в 20

10 году достиг 30 тысяч рублей, хотя в 2009 году он составлял 40 тысяч рублей.

Российский государственный гуманитарный университет, аудитория

По данным статистики Центра трудовых исследований России по

специальности работают 49,6% человек с высшим образованием.

живаются государством. О какой политике в области студенчества, его, наконец, самоуправлении можно говорить, когда безнаказанно творятся такие вещи, как в Петербургском университете, где обыски в кабинетах неугодных преподавателей производятся на глазах у студентов. Такая политика называется просто: или цыц, или давай к нам, вместе прижмем эту интеллигенцию. Унижение — не самый лучший ресурс формирования габитуса.

Одной из основополагающих категорий самоощущения студенчества является категория свободы. Пока я студент — я свободный человек; и перестану им быть, когда попаду в то пространство целесообразности, где начну реализовывать себя как профессионал.

Конечно, своеобразием внутривнутриполитического климата трудности студенчества не исчерпываются. Сейчас оно вынуждено отвечать на вызовы, которые старшим поколением расцениваются как аномальные. Например, якобы ужасно, если студент одновременно с учебой вынужден зарабатывать деньги. Хотя, по-моему, нечего ныть, что когда-то деньги были (видимо, из тумбочки брались), а теперь студентам надо их зарабатывать. Это естественно: все хотят жить, все хотят есть, конвенции меняются соответственно. Российский преподаватель, кстати, тоже хочет есть, поэтому, вместо того чтобы вести достойную жизнь и заниматься исследованиями, халтурит в шести вузах и деградирует как ученый.

Нынешняя проблематичность габитуса студенчества обусловлена проблематичностью и двусмысленностью общего положения интеллектуала в России. С ним не считаются. Лишь в самое последнее время робко заявляют о себе примеры успешной социализации интеллектуала, расширения ресурсов его самоуважения. И то лишь в плане персональной реализации, а не возможности влиять на власть и общество.

Ольга Рогинская: Ты вспомнил Раскольникова, и отсылка к литературе XIX века может пригодиться в разговоре о габитусе студенчества. Для русской литературной традиции такой тип (образ, персонаж), как студент, был весьма актуален, и здесь можно вспомнить не только Раскольникова (из совсем уж школьной программы), но и Петю Трофимова, и еще одного чеховского студента — Ивана Великопольского. Их объединяет то, о чем ты говорил: с одной стороны, увлеченность идеей, с другой — деятельный подход к окружающей среде, готовность воплощать свои идеи, не рассчитывая на быстрый, конкретный результат, который измеряется в денежном эквиваленте (или просто измеряется). И в этом смысле сегодняшнее студенчество совсем другое и увлечено совсем другим. Попадая в вуз, оно начинает задаваться главным вопросом:

где я потом буду работать, что я потом буду делать. Знания, полученные в университете, сразу переводятся в прагматический аспект. Это препятствует разговору о габитусе студенчества, скорее можно говорить о пребывании молодого человека в студенчестве как в некоей промежуточной зоне между состояниями подростковости и взрослой жизни работающего профессионала — вот как раз эти роли хорошо описываются через понятие габитуса. Проблема сегодняшнего времени в том, что определить через положительные категории, кто такой студент, проблематично. Я настаиваю на том, что современный студент ощущает себя в предвкушении того, что будет. Период студенчества воспринимается как вакация, отдых, последние каникулы перед «настоящей жизнью». Отсутствие положительного самодостаточного интереса, не прикрепленного к конкретным знаниям, — в этом проблема современного студента. Советское студенчество — тема для отдельного разговора, однако, вспоминая своих родителей и их рассказы об учебе в Московском государ-

Как устроено общество — так же устроен и молодой человек. Он может спорить с этим устройством, от него отталкиваться, но в любом случае оно его воспитывает. И сейчас оно воспитало его таким образом, что он постоянно трясется: «где я буду работать?», «чем я буду заниматься?», а главное — «сколько я денег буду зарабатывать?».

ственном университете, убеждаешься: им было легче описать свое студенчество через некоторые положительные категории. Кажется, для них это не было промежуточным состоянием, как для нынешних студентов.

Я.Л.: А почему?

О.Р.: Видимо, было чувство гораздо большей социальной защищенности. Возможно, ложное — но оно было. Если сравнить студентов МГУ 70-х (мои родители) и 90-х (мое студенчество), то ощущение себя студентом этого вуза было гораздо сильнее у первых. В наше время сама университетская структура начала разваливаться. Не стало того, через что можно было себя идентифицировать как студента.

Я.Л.: Меня волнует (отсюда и вопрос «почему»), через что себя идентифицировали советские студенты. Я могу привести несколько примеров, из них ближайший — это мои родители, они учились в таллинском политехе в начале 60-х. Я бы не сказал, что они так уж положительно воспринимали свое студенчество и что оно у них вообще было — притом что, в отличие от студентов МГУ у них была своя униформа, цвета, флаги (и это в советские-то годы!). Они в основном думали о том, что им делать дальше. Приходилось работать: отец был прорабом, мать — маляром. Маленький ребенок, очень низкая социальная защищенность, постоянная

угроза, поступающая от комсомола и прочих партийно-государственных организаций, которые требуют общественной работы, посылают в колхоз, треплют нервы собраниями и т.д. И при этом сейчас я слышу от многих людей, что советское студенчество — это была такая радость, бесконечный праздник, когда все собирались вместе и пели под гитару у костра...

О.Р.: Спроси свою маму — и она будет рассказывать тебе про песни у костра.

Я.Л.: Да, потому что это удобная мифология. Это определенная конструкция, в которую вкладывается память. Юрий Визбор, «Лыжи у печки стоят», фильм «Доживем до понедельника» — вот наша молодость, нам было хорошо! Потом выясняются какие-то подробности, и оказывается, что было как у всех. Было трудно (это не значит, что было плохо), было страшно, было непонятно, как жить дальше. Поэтому все так цеплялись за безальтернативное распределение после учебы, так как при попытке реального выбора начинались реальные проблемы. Чувство социальной защищенности покупалось так же, как сапоги: типа, других нет и не будет. На этом фоне человека пожирала бытовые проблемы, невозможность что-то достать, записать ребенка в сад или нормальную школу. При внешнем, ныне реконструированном чувстве благоустроенности жизнь была не подарок.

Если возвращаться к прагматической установке, то это заблуждение, что западная, в частности американская, модель университета предполагает исключительно прагматичное отношение к образованию. Нет, нет и еще раз нет. Университет — не прикладной профильный институт. В американской Лиге Плюща учатся вообще, а не потому, что можно потом досрочно получить место сенатора. Постоянная тревога на тему «что же нам делать дальше?» навязывается обществом — откуда это может возникнуть у молодого человека? Как устроено общество — так же устроен и молодой человек, он не самостоятелен. Он может спорить с этим устройством, от него отталкиваться, но в любом случае оно его воспитывает. И сейчас оно воспитало его таким образом, что он постоянно трясется: «где я буду работать?», «чем я буду заниматься?», а главное — «сколько я денег буду зарабатывать?». Отсюда неадекватные ожидания, неадекватные представления об оплате труда и т.д.

О.Р.: Одной из основополагающих категорий самоощущения студенчества является категория свободы. Пока я студент — я свободный человек; я во многом перестану им быть, когда попаду в то пространство целесообразности, где начну реализовывать себя как профессионал. Если обращаться и к литературным примерам, и к примерам, которые разбирает Марков в своей книге, и к европейскому опыту студенчества, со средневековья до 1968 года, студент — это тот, кто свободен. Свободен проблематизировать то пространство стабильности, которое характеризует взрослую жизнь. Свобода выражается и в том, что мнение студента как человека, причастного к книжной культуре, свободно и в идеале

14

ответственно. У него есть авторитеты, на которые можно ссылаться; он ссылается на всё, кроме жизненного опыта, потому что опыт — это то, что тормозит.

Я.Л.: Кроме жизненного опыта, студент презирает и тот самый прагматизм, потому что взрослый человек, облеченный жизненным опытом и осторожный, с большой вероятностью занимает позицию «оно тебе надо? сиди спокойно, работай, воспитывай детей». Представление о счастье у взрослого, как правило, пересекается с представлением о стабильности, в то время как молодой человек воспринимает счастье как возможность эту стабильность взорвать и нарушить.

О.Р.: Если выходить за пределы студенчества, то такой тип поведения транслируется богемой, как интеллектуальной, так и художественной. Определять через понятие свободы сегодняшнее студенчество проблематично, потому что оно не знает, как и через что себя определять. Многие студенты мыслят с опережением, сразу подключают нормативные категории, характеризующие «взрослую» жизнь, и поэтому отсекают очень многие собственно студенческие черты своей жизни. Такого студента трудно опознать как студента, это особенно заметно, когда принимаешь экзамен. Многие студенты — готовые офисные работники: они

так выглядят, так разговаривают, как будто этот человек не со студенческой скамьи, а из офиса (может быть, он оттуда уже и есть). Но даже если он пока не работает в офисе, он уже присвоил себе эти поведенческие проявления. А другие так и остались в «прошлой» жизни: это фантастически инфантильные, испуганные и растерянные люди, которым свобода не нужна, они не знают, что с ней делать; они боятся знания, потому что с ним трудно жить. Если твоя картина мира все усложняется и усложняется, и вдруг выясняется, что вопросов больше, чем ответов и с этим нужно жить, то многие формальные студенты отказываются от приобретения такого типа знания, фактически оставаясь в «школьном», подростковом состоянии. Студентов же, для которых студенчество — важный жизненный этап, повторюсь, не промежуточный, — очень мало.

Я.Л.: Если продолжить попытки определить главные признаки студенчества, то один из главных — это отказ от инструментального знания в пользу вопрошающего. Инструментальное знание предполагает однозначные ответы и минимум ответственности. Правильный ответ — он такой один: «расскажи, как жить» — «так-то и так-то». Я завидую людям, которые, находясь в «счастливой скорлупе» позитивизма, говорят, что надо верить в то, что дважды два — четыре, а не пять и не семь, а остальное само получится. Да, конечно, дважды два — четыре, но есть и более сложные вопросы. И то, что порой университет, призванный стимулировать вопрошающее знание, сводит эту свою функцию к инструментальным технологиям, превращает, фигурально выражаясь, творческое эссе в тест — это, мне кажется, проблема не только тех, кто в нем учится, но и тех, кто преподает.

О.Р.: Можно вспомнить наш совместный преподавательский опыт прошлого года, когда ты задал студентам написать эссе, при этом они постоянно подходили ко мне как ко второму преподавателю, ведущему семинары, и спрашивали, какой ответ правильный. Человек рождается как студент ровно в тот момент, когда его перестает устраивать конформное «решение вопроса» и возникает желание преобразовать действительность. Некоторый, если угодно, пафос того, что я хочу и могу делать мир умнее и правильнее, у меня достаточно сил и мозгов для этого! Мне кажется, это неотъемлемая черта студента в полном смысле слова.

Р.Г.: Является ли свобода, о которой вы говорите, предпосылкой к формированию у студентов либеральных ценностей?

Я.Л.: Можно, конечно, отшутиться, сказав, что либеральные ценности (liberal values) — это деньги. Проблема, конечно, глубже. В который раз вспомним, что Черчилль говорил о демократии как о «худшем виде правления, не считая всех прочих, испробованных человечеством». Внутренняя свобода, понимаемая вслед за блаженным Августином как «свобода для» делания чего-то, а не «свобода от» ответственности за что-то, свобода как осознанная необходимость в марксистском понимании так или иначе ведет к либерализму в широком смысле слова. Я не думаю, что человек, который внутренне свободен, будет всерьез пропагандиро-

вать, например, консервативные ценности в открытом, информационно заряженном и многополярном мире. Он может это делать от противного, из принципа, из идеологических симпатий — потому что его раздражают какие-то течения или представители каких-то субкультур, например. Мне кажется, что в России сейчас наблюдается некоторая растерянность. С одной стороны, мы с необходимостью либерализуемся, то есть освобождаемся, движемся в сторону большей открытости, воспитанности и цивилизованности — путешествуем, обмениваемся опытом, учим языки. С другой стороны, какие-то не вполне материальные люди на интернет-форумах наращивают ксенофобские, истерически консервативные и милитаризованные настроения. Это какое-то системное искажение, моделирование ситуации согласно превратно понятым полит-

Либерализм стал пугалом во многом из-за того, что был заимствован именно как доктрина, был по-своему переведен и взят на вооружение властными институциями, когда сами эти институции еще не осознали, какие же ценности им выгоднее. В итоге на либерализм списали все неприятности первых лет после падения СССР и облегченно сдули пыль с заезженной, но родной советской пластинки.

технологиям. Мне кажется, что если обычного офисного работника заставить задуматься, вырвать его из привычного круга ассоциаций и дать возможность посмотреть на себя со стороны, он перестанет нести нечто в жанре: «мы, русские, душевные и прекрасные, нас просто не любят, нас на соревнованиях засуживают, кругом враги, но мы покажем, мы всем дадим прикурить, потому что мы выиграли войну и т.д.» И это говорят люди, которые, например, работают в компании Coca-Cola или Adidas. Мне кажется, что либерализм стал пугалом во многом из-за того, что был заимствован именно как доктрина, был по-своему переведен и взят на вооружение властными институциями, когда сами эти институции еще не осознали, какие же ценности им выгоднее. В итоге на либерализм списали все неприятности первых лет после падения СССР и облегченно сдули пыль с заезженной, но родной советской пластинки. Это наша беда, наш кошмар, и это мешает нам — в том числе и студентам — нормально развиваться и вовремя спохватываться, когда с нами что-то начинают делать. Студент отличается от школьника тем, что должен уметь распознавать ситуацию, когда им манипулируют. И уметь защищаться, если его это не устраивает. Умение отвечать на вызовы — это и есть кристаллизация свободы в сознании человека.

Р.Г.: Считается, что влияние на человека с целью придать ему некую форму — задача школы. Продолжается ли этот процесс в университете? Меняет ли вуз человека?

Я.Л.: Университет не должен влиять на человека, потому что он почти ничего не должен, кроме обеспечения качественной интеллектуальной атмосферы, в которой осуществляется прирост знания. Университет может помочь. Он предлагает конструкцию, которая на протяжении нескольких лет позволит человеку перейти из детского состояния во взрослое. Эту конструкцию можно ругать, корректировать, но совсем убрать нельзя. Университет может повлиять на взгляды человека, на то, какую профессию он выберет — но только в том случае, если это не просто учебное заведение, но и community: сообщество однокурсников, клуб, площадка для диспута или спектакля, возможность общения с преподавателями, такого общения, которое не ограничивается вопросами после лекций. Вот тогда университет влияет, но опять же не сам — он не бегаёт за тобой, это ты берешь от него то, что тебе нужно. Университет может даже привить отвращение к тому, что ты ценил до прихода в него. И наоборот — привить отвращение к себе. Правда, в последнем случае лучше забрать документы.

О.Р.: Влияние может быть отрицательным, если пришедший из хорошей школы подросток теряет самобытность и не приобретает ничего взамен. Мне приходилось сталкиваться с ситуацией потерянности, когда выпускник школы, привившей ему представление о том, что он все может, что он всего достигнет, испытывает на первом курсе шок и разочарование. Человек приходит в вуз с ощущением победы, успешно пройдя через очень травматичный опыт вступительных экзаменов, — система поступления в нашей стране такова, что на него уходит огромное количество времени, сил и родительских денег. Очень тяжело выходить из этой эйфории, но приходится, ведь никому в университете твоя победа не нужна, здесь ты начинаешь с нуля, здесь ты один из многих. Чем более цельная и зрелая молодая личность приходит в вуз, тем ей здесь тяжелее. Мне кажется очевидным, что существует огромный разрыв между сегодняшней школой (как «хорошей», так и «плохой») и вузами (и высшего уровня, и всеми остальными). Эти зазоры — между школой, студенчеством, взрослой жизнью — приводят к тому, что ты все время с нуля начинаешь набирать новый опыт, и это приходится делать много раз. Тот, кто эту ситуацию с честью преодолевает, тот и воспринимает свое студенчество как положительный, самодостаточный опыт.

Р.Г.: Существуют ли какие-то внешние отличительные признаки студентов (поведенческие и речевые практики, формы досуга, манера одеваться), которые отделяли бы их как от преподавателей, так и от внеакадемической молодежи?

Я.Л.: Сложный вопрос. Мне не кажется, что и студент XIX века, описанный в литературе как нечто специфическое, имел эту специфичность, так сказать, до своего рождения в тексте. Ведь, в первую очередь, сами

эти произведения хотели придать его облику особенность и исключительность. Студент — просто молодой человек или девушка; если бы у него или у нее были какие-то специфические черты, я не могу это однозначно приветствовать. Мы уже говорили о студенчестве как о некоторой «репетиционной» стадии перед продолжительной и довольно однообразной взрослой жизнью, и противопоставление студента на уровне одежды, речи, поведения, как мне кажется, обусловлено этой репетиционностью. Существует пролетарская среда (почти исчезнувшая в современной России по объективным причинам), существует мелкобуржуазная. Студент как будущий интеллеktуал (ограничиваясь здесь примером студента-гуманитария) отличается так же, как профессиональный интел-

Студент отличается от школьника тем, что должен уметь распознавать ситуацию, когда им манипулируют. И уметь защищаться, если его это не устраивает. Умение отвечать на вызовы — это и есть кристаллизация свободы в сознании человека.

лектуал отличается от представителей упомянутых сред. Это не значит, что он лучше — он просто другой. Но существует проблема размывания границ, в том числе поведенческих: современная мелкобуржуазная молодежь в большинстве своем учится в вузах; мало людей получает среднеспециальное образование, мало людей умеет что-то делать руками (это вообще винтаж такой теперь). Получается, что мы из фактического феодализма устремляемся в «нанотехнологический расцвет», и в этой связи возникают странные гибриды, когда тебе навстречу движется компания хорошо одетых, едва ли не в дизайнерские вещи, молодых людей, разговаривающих между собой и со своими девушками исключительно матом — и те им отвечают исключительно матом же. И это тоже какие-то студенты, как правило. В принципе меня это не шокирует, но наблюдается общее снижение уровня как плата за тотальную демократизацию. Это естественный процесс, тормозить или регулировать который странно и смешно. Может быть, в будущем он обернется таким положением вещей, о котором мы сильно пожалеем, но это будет потом, и мы не сможем что-либо изменить. Мне кажется, что современный студент мог бы вести себя более дифференцированно и утонченно — но, похоже, я слишком много хочу. Студент волен себя вести как угодно, мы — я имею в виду преподавателей — не можем этого изменить, и более того, не должны этого хотеть: нехорошо хотеть менять того, кто тебе не принадлежит, кем ты не управляешь. В любой группе студентов есть ядро людей, которые рефлексивно являются студентами-интеллектуалами, они себя воспитывают как будущих интеллектуалов (это, впрочем, не значит, что

они таковыми станут). Но поведение человека, готовящегося стать интеллектуалом, не сильно отличается от того, кто им уже является — иные случаи мне представляются странными и искусственными.

О.Р.: Если понаблюдать над тем, как студенты одеваются, можно выявить несколько очевидных тенденций. Далеко не все студенты хотят маркировать себя как студенты. Тот, кто пытается маркировать себя в этом ключе, одевается в универсальном европейском молодежном стиле — небрежный удобный унисекс. Собственно, приверженцами этого стиля потом продолжают оставаться и многие из преподавателей, возникает маркер несколько божемного образа жизни. Это очень чудно с точки зрения человека, не занимающегося интеллектуальной деятельностью, потому что это не нарядно, не торжественно, не соответствует статусу. Однако есть еще как минимум две стилистические тенденции: условный постсоветский классический стиль, где девушки с прической и на шпильках, и офисный с его строгостью — туфли с низким каблуком, неяркие элегантные цвета. Девочки, примеряющие на себя роли чиновниц в паспортном столе и секретарш в солидной компании, есть в каждой студенческой группе. Очевидно, что в этом случае студент себя как студента не маркирует.

Человек приходит в вуз с ощущением победы, успешно пройдя через очень травматичный опыт вступительных экзаменов, — система поступления в нашей стране такова, что на него уходит огромное количество времени, сил и родительских денег. Очень тяжело выходить из этой эйфории, но приходится, ведь никому в университете твоя победа не нужна, здесь ты начинаешь с нуля, здесь ты один из многих.

Если говорить о книгах, которые читают студенты, и о музыке, которую они слушают, то тут никаких тенденций выявить нельзя, настолько разнообразной и разнородной получается картина. Иногда даже удивляет стилистическая неразборчивость и компенсаторная глухота по отношению к материалу университетского образования. Мне кажется, что если ты начинаешь думать и превращаешься в студента в полном смысле, то по определению не можешь продолжать ЭТО читать. Тем не менее, всё мирно сосуществует, причем в исполнении даже очень хороших студентов. В принципе, мне кажется, что еще одной заслугой университета могло бы быть формирование эстетической разборчивости и разборчивости в выборе досуга. Ты же можешь продолжать смотреть те же передачи и читать те же книги, но уже другими глазами.

Я.Л.: Я бы уточнил вот какой момент. Обстоятельства, о которых шла речь, это некоторая плата за эмансипацию и за высокое позиционирование ценности личного мнения. Человек волен смотреть, слушать и читать все, что ему заблагорассудится. Но если он вдумчиво овладевает азами той или иной области знания, рано или поздно он начнет критически относиться к собственным кумирам, чтобы подвергнуть их рефлексии, навык которой у него возник в ходе научных занятий.

О.Р.: В итоге, говорить о габитусе студента сегодня, наверное, нельзя. Хотя если собрать в одной комнате студентов нескольких гуманитарных вузов и провести анкетирование, то через их культурные предпочтения можно будет сформировать подобие габитуса. Но это, боюсь, будет пока лишь подобие, имитация.